

Суворин Алексей Сергеевич

**Письма А.С. Суворина к В.В.
Розанову**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А47

А47 **Алексей Сергеевич С.**
Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову / Суворин Алексей Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 186 с.

ISBN 978-5-519-75753-9

ISBN 978-5-519-75753-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изъ припоминаній и мыслей объ А. С. Суворинѣ.¹⁾

Не хочется говорить ничего систематичнаго. Буду говорить отрывками. Это соотвѣтственнѣе даже лицу, о которомъ говорю, соотвѣтственнѣе теперешней минутѣ.

Прежде—человѣкъ, физика, фигура. Почти всегда это впечатлѣніе:ходишь по невысокой лѣстницѣ (2-й этажъ); открываешь безшумную дверь; (Василью):

— Можно?

— Пожалуйста! Пожалуйста!

Проходишь изъ большой передней въ темноватый проходъ между спальнѣй и библіотекой. Библіотека—огромная комната, съ огромнымъ столомъ посерединѣ, на которомъ лежатъ книги и «такъ» и корешкомъ кверху: и около нихъ что-то копошится маленькая, почти крошечная старушка, Н.,—сестра сотрудника Богачева. Она всегда тутъ. Имени ея никогда не запомнишь. Но она до такой степени всегда «тутъ»,

¹⁾ *Начало* этой статьи, съ нѣкоторыми пропусками, было помещено въ «Новомъ Времени» въ ближайшую по смерти А. С. Суворина недѣлю.

что ее знаешь давнимъ знаніемъ—и, вмѣсто здорованья, поцѣлуешь въ темя. Она подниметъ глаза: это—тихіе глаза, и все лицо—умное, просвѣщенное. Она «убираетъ» библіотеку Алексѣя Сергѣевича, распредѣляетъ по классификаціи и составляетъ каталогъ.

Библіотека—великолѣпна. И огромна, и интересна,—по изданіямъ, по предметамъ. Вся почти изъ исторіи литературы. Хотя я разъ страннымъ образомъ встрѣтилъ тамъ «Творенія Кирилла Александрійскаго». Вообще тамъ много по «духовенству»: А. С. Суворинъ по матеріи—самъ изъ духовныхъ.

Идешь, и входишь въ полусвѣтлую (сзади) комнату. У самыхъ дверей большой прекрасный портретъ Новикова, съ этимъ его пальцемъ, такъ характерно отогнутымъ. Противъ дверей сейчасъ же огромный столъ съ новинками книгъ и журналовъ. Сколько разъ скажешь, чѣмъ-нибудь заинтересовавшись:

— Алексѣй Сергѣевичъ, я возьму эту книгу (т. е. въ собственность).

— Возьмите, батюшка.

Отсюда (изъ прохода—налѣво) кабинетъ, передняя стѣна котораго замѣнена однимъ огромнымъ стекломъ. Все-таки отъ множества книгъ и вещей въ кабинетѣ—въ цемъ полу-темно, вѣрнѣе—недостаточно свѣтло. Влѣво—бронзовый бюстъ Пушкина, работы князя Паоло Трубецкого,—ему понравившійся на выставкѣ и подаренный сотрудниками. Множество столиковъ,—все заставлено чѣмъ-то, въ большинствѣ книгами. Книгъ—множество, онѣ—вездѣ,—частью громадные фоліанты. Бросается въ глаза Шекспиръ,—его любимецъ. Огромные портреты—его первой жены, умершей

дочери (Коломниной), Шекспира, Пушкина, Тургенева и Толстого. Еще чьи-то портреты, множество. Вообще «множественность» всего ложится на душу давящимъ впечатлѣніемъ. Слѣва, на половинѣ длины кабинета— всегда пылающій каминъ. А вонъ, дальше, и онъ.

Всегда я его помню собственно въ единственной позѣ: спина колесомъ и онъ внимательно ушелъ «въ столъ» (письменный, передъ стѣной и окномъ), читаетъ или (нѣсколько рѣже) пишетъ. Если пишетъ—«Маленькое письмо», но чаще читаетъ листъ завтрашняго набора (корректурѣ завтрашняго нумера) или корректуру книги печатаемой. Очень часто я его заставлялъ почему-то за корректурными листами Пушкина, и тутъ «свѣрочныя» изданія: онъ копался около строкъ Пушкина, его выраженій, и проч. Пушкинъ былъ его Солнцемъ литературы. Онъ съ нимъ совершенно никого не сравнивалъ, никого не приближалъ къ Пушкину. Изъ множества мелькающихъ разговоровъ о Пушкинѣ я могъ бы, мнѣ кажется, вывести это впечатлѣніе о *мотивѣ* такого исключительнаго отношенія къ Пушкину:

«— Пушкинъ *все зналъ и все понималъ*. Въ умѣ его не было ничего дробнаго, частнаго и пристрастнаго. Полная *закругленность*, полная *всеобъемлемость*. Столь же замѣчательно рѣдко *его сердце*. Пушкинъ есть полная правда, и у него нѣтъ ни одной строки, а въ жизни не было ни одного отношенія, куда примѣнивалась хотя бы частица вольной и даже невольной лжи, притворства, ломанья или позы. Величіе правды Пушкина затливаетъ все».

Въ это опредѣленіе я не вношу ничего своего, «Розаповскаго». Это, по припомнаніямъ, мелькнуло мнѣ

разрозненно въ рѣчахъ Алексѣя Сергѣевича. Я только крупинки смѣль вмѣстѣ, въ кучку (въ опредѣленіе).

Въ Шекспирѣ его поражала колоссальность творческаго воображенія. Шекспира онъ ставилъ гораздо выше Толстого, и умнѣе, и геніальнѣе. Я не помню его рѣчей о Гамлетѣ; помню, что какъ иллюстраціи Шекспировскаго генія мелькали у него «Король Лиръ» и вообще трагедіи *дѣйствія*, а не *размышленія*, характеры *мощи* человѣческой, а не человѣческаго ума.

Байрона, Шиллера и Гете,—самыхъ именъ у него въ разговорахъ со мною не мелькнуло. Какъ бы ихъ не было. Это или случайность разговоровъ, или сущность его отношенія. Вѣроятно первое. Очевидно, однако, что эти «державшіе лиру» геніи человѣчества не зачаровали ума его тѣмъ неотстаннымъ очарованіемъ, изъ котораго льются невольныя, неудержимыя рѣчи,—какъ зачаровали Шекспиръ и Пушкинъ.

Отношеніе его къ Толстому было рѣзко двойственное. Онъ считалъ какъ бы русскою историческою святынею его «Войну и Миръ», и считалъ таковою не только за великія художественныя качества, но и за душу Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ», т. е. за чувство любви къ Россіи въ этомъ великомъ романѣ. Здѣсь, за эту великую любовь къ Родинѣ, онъ поклонялся Толстому до земли. Въ этого исключительнаго, выдѣленнаго отношенія къ исключительному произведенію, лежало—этажомъ ниже—его отношеніе къ другимъ художественнымъ произведеніямъ Толстого. Тамъ былъ алтарь, здѣсь—обыкновенное литературное отношеніе, «жилой домъ», «базаръ», суета, печать, литература.

Восхищеніе Суворина было восхищеніемъ мастера слова къ мастеру слова. Затѣмъ, еще нѣже этажомъ, лежало отношеніе къ «общему въ Толстомъ», къ его жизни и лицу. Здѣсь было удивленіе къ силѣ и разнообразію этого лица, къ интересу и сложности этой жизни. Суворинъ во множествѣ разговоровъ около Толстого передалъ мнѣ очень много конкретнаго, частнаго, единичнаго; словъ покойныхъ братьевъ Толстого, имъ слышанныхъ; переданныхъ ему разговоровъ сестры-монахини; Софьи Андреевны и проч. Эти-то единичные рассказы о незамѣтныхъ, исчезающихъ штрихахъ въ личности Толстого заключались въ концѣ концовъ, или обобщались въ концѣ концовъ, въ отрицательное и иногда негодующее отношеніе къ Толстому. Суворинъ считалъ его, такъ сказать на днѣ всѣхъ глубинъ, въ самомъ «колодцѣ» души, необъятно честолюбивымъ человѣкомъ, человѣкомъ необъятнаго самолюбія, съ какимъ-то всепожирающимъ «я», которому онъ готовъ былъ принести въ жертву, п фактически принесъ въ жертву, Родину, ея святыни, ея исторію, ея завѣты. Въ Суворинѣ же постоянно сквозило это: «Мы *всѣ* относительно сравнительно съ Россіей, наше дѣло—*служить* ей, а не *господствовать* надъ нею». Почти: «самое право наше учить Россію очень ограничено, и мы должны очень осторожно пользоваться этимъ правомъ»... «Мы можемъ предлагать Россіи, но не можемъ ничего ей навязывать».

Опять я здѣсь «собираю въ кучку» тѣ, чтѣ мелькало у Суворина. Толстой былъ конечно геній, но и Суворинъ—очень умный человѣкъ, съ которымъ «посчи-

таться слѣдуетъ». Суворинъ былъ со страшно зоркимъ глазомъ человѣкъ, притомъ съ тою особенностью, что онъ эту «зоркость» никому не навязывалъ и скорѣе держалъ про себя. Но и не это только. Онъ слишкомъ много «видѣлъ на вѣку»,—людей, положеній, страстей, грѣховъ. И, видѣвъ громадную панораму, ничему (кромѣ «цѣлокупной Россіи») не отдалъ души и ума въ плѣнь. Въ *resumé* всѣхъ многочисленныхъ бесѣдъ о Толстомъ, у меня осталось впечатлѣніе, которое я выражу, сказавъ то, что у меня не разъ мелькало въ умѣ, когда я выходилъ задумчиво изъ его кабинета:

«— Какъ странно!.. Въ Ясной Полянѣ—великій отшельникъ, съ непрекаемымъ во всемъ свѣтѣ правственнымъ ореоломъ. Здѣсь... что такое этотъ «кабинетъ Суворина»: суета, шумъ, перекрещивающіяся впечатлѣнія, разговоры, точно «битва пигмеевъ» (существо газеты, существо «ежедневности») въ вихрѣ всемірной растолченности, всемірной раздробленности, всемірной пыли, грязи и вѣтровъ. Но въ этомъ «кабинетѣ» тоже сидитъ имѣющій свой тихій часъ человѣкъ, который только кажется, что отдаетъ суетѣ «всего себя», но на самомъ дѣлѣ вовсе не отдаетъ «всего себя» одной суетѣ. Отъ того, что около этого человѣка вращается всемірная суета, составилъ почти всеобщій взглядъ, да даже и рѣшительно всеобщій взглядъ, что и онъ самъ—суета, жрецъ «временнаго», съ душою не глубокой и грѣшной. До чего же поразительно это открытіе, которое вотъ я дѣлаю въ этихъ уединенныхъ бесѣдахъ, почти подслушалъ, почти подсмотрѣлъ, что

на самомъ дѣлѣ «суета суеть», человѣкъ безъ нравственнаго выдающагося признанія за нимъ, гораздо превосходитъ чистотою простого и добраго, простого и благороднаго отношенія ко всѣмъ вещамъ міра, того угрюмаго и святаго отшельника, того всемірнаго порицателя, отвергателя и критика».

Это было удвительно. «Что такое мнѣніе Суворина передъ Христомъ и Богомъ?» Казалось—ничего. «Мнѣніе Толстого передъ тѣми же Судіями?»—«О-о-о!» Во всякомъ случаѣ—«Много». Но я хочу, чтобы запомнился этотъ мой опредѣленный взглядъ, что это мнѣніе «страпника въ суетѣ мірской» на самомъ дѣлѣ ближе къ Богу, ибо оно было неизмѣримо человѣчнѣе и какъ-то именно благороднѣе всемірными сочувствіями, а самое главное—своею натуральностью, своею правдой, своею естественностью, нежелн тѣ мнѣніе пророка, глашатая и постника (вегетаріанскій столъ и прочія «опрощенія»). И вышло это потому единственно, что одинъ въ тайнѣ все молится *себѣ*, можетъ быть отъ преизбыточества генія, а другой, и считая себя *относительнымъ*,—служить Невѣдомому Богу, который конкретно передъ нимъ мелькаетъ какъ *Родина, Земля, Суета* (даже).

Да,—Суворинъ поклонился *пыли*. Пыли, какъ частицамъ, отдѣлившимся ото всего въ мірѣ. Это былъ, пожалуй, пантензмъ суеты. Но въ этомъ пантензмѣ суеты есть кое-что и изъ христіанскаго смиренія. Тотъ-же какъ-то невольно поклонился Одиночеству и Угрюмости; въ которую, если навести подозрную

трубу въ ея религіозную даль, то увидишь одну огненную букву: «я», «Я».

Вотъ въ чемъ дѣло. Видѣлъ и свидѣтельствую. Много удивлялся и прихожу къ этому заключенію.

Совершенно исключительна была какая-то пѣжкая любовь Суворина къ Чехову. Къ другимъ онъ питалъ интересъ; считалъ ихъ полезными Россіи, и т. д. Изъ всѣхъ этихъ сложныхъ отношеній выдѣлялась его любовь къ Чехову какъ *личности*,—и только; больше—къ *личности*, чѣмъ къ литератору, хотя онъ очень любилъ его и какъ литератора. Помню его встрѣчавшимъ гробъ Чехова въ Петербургѣ: съ палкой онъ какъ-то бѣгалъ (страшно быстро ходилъ), все браня нерасторопность дороги, неумѣлость подать вагонъ... Смотря на лицо и слыша его обрывающіяся слова, я точно видѣлъ отца, къ которому везли трупъ ребенка, или трупъ общающаго юноши, безвременно умершаго. Суворинъ никого и ничего не видѣлъ, ни на кого и ни на что не обращалъ вниманія, и только ждалъ, ждалъ... хотѣлъ, хотѣлъ... гробъ!!

Удивительно. Мнѣ кажется, если бы Антонъ Павловичъ сказалъ ему:—«Пришла минута, нуждаюсь въ квартирѣ, столѣ, сапогахъ, покоѣ и женѣ»,—то Суворинъ бы сказалъ ему:—«Располагайтесь во всемъ у меня». Буквально. Да я что-то такое и видѣлъ въ куточкахъ, подсмотрѣлъ.

Чехова, въ литературномъ мірѣ давнемъ и новомъ, онъ больше всѣхъ любилъ.

Манера бесѣды—всегда одна: услышавъ (заглушаемые по ковру) шаги, онъ загибалъ голову... Сидѣлъ еще минуты двѣ-три. Вставалъ,—и разговоръ былъ на ходу, взадъ и впередъ по большому кабинету. Манера—величайшая живость... смѣхъ, тихій, небольшой, смѣхъ какой-то «въ увлеченіи»... припоминанія, факты, много фактовъ... факты въ отвѣтъ на мысли, факты какъ аргументъ мысли и пропедевтика къ мысли. Онъ совершенно никогда *не разсуждалъ*, не дѣлалъ умозаключеній. Силлогизмъ былъ созданъ безъ Суворина и не для Суворина. За 12 лѣтъ я не помню ни единого его «сужденія», ни разу не слышалъ слова «слѣдовательно». И увѣренъ, что слова «слѣдовательно» не встрѣчается нигдѣ въ его сочиненіяхъ. Чтò же это была за рѣчь? Великолѣпіе знаній, наблюдательности, «приглядыванія къ людямъ», суроваго сужденія людей. Онъ бывалъ суровъ:

«— И сколько разъ, когда они гнели (угнетали) меня, хотѣли закрыть мою газету, я говорилъ въ себѣ: «Мерзавецъ! я *умнѣе тебя* и я *переживу тебя!*»

Со страшной силой удара въ «умнѣе» и «переживу».

Я удивился. Никогда такимъ не видалъ его.

«— Звонокъ (телефонъ). Приказаніе: «явиться въ кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ въ восемь часовъ утра».—Я старикъ: въ восемь часовъ утра!!

«... Вы поймете, что я не спалъ всю ночь. Въ восемь часовъ утра вхожу къ Сипягину. Черный, гнѣвный:

«— *Это чтò такое?!!*»

«Подаетъ *Приложеніе* къ «Новому Времени».

«Беру. Смотрю. И говорю: «—Приложеніе за субботу» (или «среду», не помню въ разговорѣ).

«— А что *это*!?

«Указываетъ на портретъ.

«— Портретъ.

«— *Почему* вы его помѣстили?

«— Не знаю, почему. Редактируетъ «Приложеніе» Н. Н., я ихъ и не смотрю. (Прочелъ подпись)—«Да это же» (такой-то принцъ или принцесса), «должно быть въ связи со свадьбой помѣстили». Вообще—не знаю «почему», но безъ сомнѣнія есть основаніе».

— «Долго смотреть на меня. Дѣйствительно убѣждается, что я не знаю «почему», а злоумышленія очевидно не было. Оказывается: съ этимъ заграничнымъ принцемъ была какая-то исторія, непріятная и для Петербурга, и Сипягинъ вообразилъ, что я помѣстилъ портретъ его, чтобы оскорбить того-то и того-то, посмѣяться надъ тѣмъ-то и тѣмъ-то.

«— Они вообще набитые дураки. Въ (такомъ-то) году, въ подвальный этажъ дома, гдѣ тогда помѣщалась редакція, отыскиали не то заговоръ, не то бомбы. Что вышло изъ этого!!! Министерство внутреннихъ дѣлъ вѣрить не хотѣло, что это безъ моего вѣдома, даже вѣрить не хотѣло, чтобы я тутъ не принималъ какого-то участія. Сколько мнѣ стоило усилій развязаться съ этимъ. Они вѣчно ищутъ въ потьмахъ и хватаютъ кого-попало. Существованіе же газеты, въ прежнія времена, было такъ хрупко».

И онъ передавалъ много случаевъ: одинъ разъ только заступничество графа Дм. Ап. Толстого передъ